

Шэнь Цинжань нехотя отвел взгляд, нерешительно кивнул, но тут же покачал головой в знак отрицания.

А вдруг Сюэ Фэйфэн захочет пойти в гости вместе с ним? Тогда ведь всё вскроется?

Главная героиня только что прибыла, и в их первую встречу нужно обязательно всё хорошенько продумать, чтобы не оставить о себе дурного впечатления.

В новеллах второстепенные персонажи, чье появление автор описывал в негативных тонах, обычно плохо кончали. Особенно он сам: автор одним взмахом пера накатал целых пять тысяч знаков, чтобы расписать, насколько он мерзок, а в финале его разлагающийся труп обнаружили лишь случайные люди.

«Ну и несчастный же я, право слово».

Сюэ Фэйфэн, видя его скрытность и ужимки, внутренне закипал от гнева:

— Возвращаемся.

Шэнь Цинжань кивнул и хотел было погрузить охапку листьев сахарного тростника в повозку, но обнаружил, что Сюэ Фэйфэн уже всё сделал за него. Он этого совершенно не заметил и, вызвавшись править повозкой, принялся изо всех сил вспоминать перипетии судьбы главных героев, так и не обратив внимания на странное поведение Сюэ Фэйфэна.

В первых главах новеллы главная героиня еще не начала свой путь длиной в два миллиона знаков, посвященный ведению хозяйства, поэтому Шэнь Цинжань читал их довольно внимательно.

Героиню звали Пань Юньси. Её часто обижал старший брат Пань Юньшань, а родители, предпочитая сына дочери, закрывали на это глаза. Пань Юньшань два года проучился в городе; чернил испил немного, зато замашки лицемера освоил самостоятельно и в совершенстве.

Пань Юньшань считал себя человеком бездонной учености и презирал тех, кто махал мечами и копьями. Он часто собирался с сыновьями богатеев, чтобы слагать стихи, высмеивая и дурача других. Однако после того, как подняли мятеж бродячие разбойники, богатые землевладельцы либо сбежали, либо были разграблены. Люди, владевшие боевыми искусствами, подались к разбойникам или на службу к властям, и в итоге оказались на голову выше Пань Юньшаня, повсюду ища с ним ссор. Семья Пань больше не могла оставаться в городе и, как раз повстречав Суня-второго, перебралась в деревню Лицзяцунь.

Прибыв в деревню Лицзяцунь, Пань Юньшань, дабы сколотить собственный кружок, взял сестру и отправился наносить визиты соседям. Он использовал её как светскую бабочку, признавая местных отребьев и бездельников «названными братьями». Когда сестра наотрез отказалась выходить с ним, он толкнул её в пруд, и та едва не утонула.

Вот он — шанс наладить хорошие отношения с главной героиней!

Впрочем, это должно было случиться только через два дня. Завтра друг Сюэ Фэйфэна придет покупать сахарный тростник, и Шэнь Цинжань, размышляя об этом, заметно приободрился. Для ведения хозяйства героине обязательно нужна земля, но на первых порах никто не поверит в её нелепые фермерские планы — умелой хозяйке не сварить кашу без крупы. А когда поле из-под сахарного тростника освободится, эту землю можно будет одолжить героине под

посадки.

Честно говоря, Шэнь Цинжань хотел напрямую стать помещиком.

Генерал на поле боя никогда не бывал дезертиром. Глядя на рассеянный вид Шэнь Цинжана, Сюэ Фэйфэну вдруг нестерпимо захотелось переехать.

Таких мягкосердечных и слабовольных людей, как Шэнь Цинжань, легче всего обмануть сладкими речами. Сюэ Фэйфэн мысленно решил, что нельзя давать этим двоим ни единого шанса для общения.

...

Чан Мин играл роль купца, скупающего тростник. Перед уходом он знатно похвастался перед братьями: «Такая возможность открыто и законно вести дела с госпожой, завидуете?»

Чан Мин был хорошим старшим братом и, получив выгоду, не забывал о младших. Едва встретившись с Шэнь Цинжанем, он тут же представился и во всех подробностях поведал о положении трех своих братьев, стремясь сделать так, чтобы их имена примелькались перед госпожой.

— Госпожа, вы хотите узнать о чем-нибудь еще? — вкрадчиво спросил Чан Мин, расхваливая их на все лады, от внешности и семейного положения до моральных качеств, точь-в-точь как сваха, пристраивающая братьев.

Сюэ Фэйфэн бросил на него недобрый взгляд: «Знай меру».

Ему явно не следовало давать Чан Мину волю.

Шэнь Цинжань подумал: «Не зови меня госпожой, и мне совершенно не интересно знать, сколько человек в твоей семье».

Однако отказывать ему в любезности было неудобно — покупатель всегда бог, — поэтому он вежливо поддержал беседу и написал: «А разве выше вас нет старшей сестры?»

Могучее тело Чан Мина содрогнулось. Он подумал, что слава о грозной деве и впрямь гремит повсюду: сам он из мелочности не стал упоминать её, а госпожа всё равно откуда-то прознала.

— Госпожа истинно зрит в корень! — Чан Мин неистово ударился в лесть, сокрушаясь про себя, что они с хозяином — прирожденная пара. — Нашу старшую сестру зовут Чан Чань, где "Чань" — это летняя цикада.

Из тех самых цикад, что невыносимо стрекочут, когда отчитывают младших братьев!

«Не стоит похвал», — Шэнь Цинжань улыбнулся. Если сложить имена всей четверки, получится «Долголетие в сто лет» — сплав простонародного и изящного. И кто только додумался так их назвать?

Сюэ Фэйфэн чихнул.

Чан Мин, не знающий меры, наткнулся на Шэнь Цинжана, который тоже не ведал границ. Общаясь с помощью бумаги и кисти, они по высокой цене выкупили весь сахарный тростник.

«Дзынь», — Сюэ Фэйфэн щелкнул пальцем по лезвию меча. Чан Мин сразу всё понял,

помрачнел лицом и изобразил глубокое затруднение:

— Госпожа! Я вдруг вспомнил, что мой статный и смысленный младший брат вчера тоже отправился в усадьбу Ван, где выкупил десять му сахарного тростника. Боюсь, столько нам не принять. Давайте так: скинем один му, мы заберем четыре, а оставшийся му вы сохраните для собственных нужд.

Этот тростник Сюэ Фэйфэн купил, чтобы Шэнь Цинжань лакомилась им, как сладостью. Если продать всё без остатка, разве не пойдут прахом все труды?

Шэнь Цинжань был легким в общении человеком: «Хорошо».

Продав четыре му тростника, они освободили землю. Три му можно сдать в аренду героине, а один му оставить, чтобы выменивать у неё семена.

«Богатство куется трудом», — поразмыслив, Шэнь Цинжань проявил глубокую проницательность: помещики в новеллах про ведение хозяйства обычно плохо кончают.

Когда Чан Мин уходил, Сюэ Фэйфэн тихонько окликнул его:

— Найди лекаря-чудотворца, пусть выпишет несколько сборов для сохранения беременности.

— У госпожи... у неё будет маленький хозяин! — Чан Мин пришел в неописуемый восторг. — Я немедленно отправлюсь за покупками!

Чан Мину хотелось взмыть ввысь прямо с места, закружившись спиралью — драконье яйцо!

И как только генерал остается столь невозмутимым! Впрочем, на то он и генерал — какова глубина мысли! Неудивительно, что самому ему суждено всю жизнь лишь верно служить генералу!

— Сколько месяцев маленькому хозяину? — потирая руки, спросил Чан Мин.

Сюэ Фэйфэн не знал наверняка, поэтому ответил:

— Собери по одному комплекту на два, три и четыре месяца.

— Слушаюсь! — Чан Мин покидал горы, словно ведомый божественной силой.

Будто обретя крылья, он покрывал тысячи ли за день. Летел он, летел, используя технику легкости, как вдруг брови его сошлись на переносице, и он камнем рухнул вниз.

«С двух до четырех месяцев... Но ведь генерал женился всего месяц назад».

Чан Мин поднялся с земли, весь в пыли — опечаленный и растерянный.

...

В эти два дня Шэнь Цинжань то и дело искал возможность ускользнуть из дома, и целью его была семья Пань. Сюэ Фэйфэн тоже вел себя странно: стоило тому собраться, как он внезапно появлялся и жаловался на боль в ногах.

Конечно же, дела Сюэ Фэйфэна — его нынешнего кормильца и поильца — были куда важнее.

Шэнь Цинжань время от времени ходил поливать росток зеленой эвкоммии, надеясь, что тот поскорее пустит новые побеги. С приближением зимы рана на ноге Сюэ Фэйфэна, казалось, обострилась. Шэнь Цинжань не смыслил в медицине, и ему оставалось лишь уповать на то, что этот росток эвкоммии сослужит великую службу.

В этот день Шэнь Цинжань подловил момент, когда Сюэ Фэйфэн возился у печи на кухне. Он отложил редьку, которой кормил осла, и, пригнувшись, выскользнул через заднюю дверь.

Выйдя на деревенскую тропинку, Шэнь Цинжань выпрямился, но вдруг почувствовал легкое недоумение: «Что это я, словно на тайное свидание пробираюсь?»

«Я ведь явно иду творить доброе дело!»

Рыбный пруд, который старик Сунь отдал Сюэ Фэйфэну в уплату долга, изначально находился неподалеку от дома Суней. Пользуясь предложением осмотра пруда, Шэнь Цинжань с полным на то правом приблизился к дому Суней — то есть к дому семьи Пань.

У края пруда стояли молодые люди во главе с Пань Юньшанем, с гиканьем и хохотом подтрунивая над главной героиней. Героиня выглядела измученной и подавленной; на их наглые требования «позвать хорошего братика» она лишь робко жалась за спину брата.

Пань Юньшань нахмурился, вытащил сестру вперед и отчитал:

— Чего ты прячешься? Матушка сказала, что ты бледная и дичишься людей. Я вывел тебя погреться на солнышке, повидаться с друзьями, а ты бьешься в кусты!

Подонки всегда остаются подонками, просто теперь они сменили объект для издевательств. Одной рукой они превозносили брата-«книжника», а сами обступали хрупкую героиню, изрыгая грязные и непристойные слова.

Небо стояло низкое и хмурое, никакого солнца не было и в помине. Выманенная обманом героиня теперь окончательно рассорилась с братом. Вырвав свою руку, она хотела вернуться, но Пань Юньшань, пользуясь своим превосходством в росте и силе, стал толкать сестру, осыпая её бранью за неблагодарность.

Шэнь Цинжань вскипел от ярости. Толпа скотов! Его самого когда-то точно так же безжалостно травили, и он до конца понимал охвативший героиню страх и беспомощность. Шэнь Цинжань бросился вперед, схватил Пань Юньшаня за шиворот и изо всех сил рванул назад. Воротник врезался в горло, и Пань Юньшань, мгновенно позабыв про сестру, вцепился в руки Шэнь Цинжаня. Он применил жестокую силу, оставив на тыльной стороне ладони Шэнь Цинжаня четыре кровавые царапины, но и сам не удержался — покачнулся и повалился на землю.

Шэнь Цинжань заслонил собой главную героиню, точь-в-точь как в тот день, когда бездельники ворвались к ним в дом, а Чан Бай, точно великий мастер, опустился с небес в ослепительном блеске.

Правда, это были лишь его личные ощущения.

Вспомнив о Чан Бае, подонки в страхе отпрянули, образовав круг, и никто не вышел помочь Пань Юньшаню. Потеряв лицо и подняв голову, Пань Юньшань увидел перед собой лишь вздорную бабу, и грудь его тяжело заходила ходуном.

Тут до его ушей донеслись смешки окружения: «Глухонемой из дома хромого пришел». Природа труса, пасующего перед сильными и отыгрывающегося на слабых, взяла верх. Вспыхнув от ярости и стыда, он резко вскочил и толкнул Шэнь Цинжана прямо в рыбный пруд.

— А-а-а!

Под пронзительный крик героини Шэнь Цинжань полетел лицом вниз прямо в воду.

Зимний пруд обжигал ледяной стужей. Поначалу Шэнь Цинжань, уповая на свое умение плавать, не слишком испугался, но очень скоро понял, что переоценил свои силы. Дно у краев пруда состояло из глубокого, вязкого ила. Шэнь Цинжань увяз в нем; верхняя половина тела в попытках выкарабкаться оставалась над водой, но ноги намертво застряли в грязи, и вытащить их не получалось.

Шэнь Цинжань уперся ладонями в топкую грязь, и вскоре его локти ушли под воду; вокруг не за что было зацепиться.

Героиня в ужасе бросилась к пруду, но Пань Юньшань намертво перехватил её, холодно ухмыляясь:

— Она сама туда свалилась.

Шэнь Цинжань ледяным взглядом посмотрел на беснующегося Пань Юньшаня. Приходилось рассчитывать на собственные силы: попытавшись вернуть руки назад, он вдруг нащупал твердую деревяшку. Стиснув пальцы, он вознамерился вытащить её, чтобы использовать как костыль.

Кто же знал, что под водой всё переплетено неисчислимыми корнями трав. Шэнь Цинжаню стоило огромных трудов вырвать находку наружу.

Когда на поверхность показался корень лотоса длиной почти в метр, Шэнь Цинжань разглядел, что это вовсе не деревяшка. В памяти тут же всплыли деревенские легенды о трупах, покоящихся на дне прудов. Перепугавшись до смерти, он в панике отбросил корень в сторону, из-за чего погрузился еще глубже.

— Раз уж невестка копает лотосы, мы не станем ей мешать.

Пань Юньшань понимал, что Шэнь Цинжань так быстро не утонет: либо сам выберется, либо дождется помощи. В крайнем случае он вернется через полдня посмотреть — если никто так и не спасет её, он, так и быть, проявит милосердие.

— Десять лет у холодного окна, и в итоге оказаться соседом стада деревенщин — я и без того виноват перед книгами мудрецов. Если неотёсанная деревенская баба вздумала указывать мне, пусть будет готова отвечать за последствия! — бросил напоследок жестокие слова Пань Юньшань, умело используя Шэнь Цинжана для утверждения авторитета среди местных бездельников, чтобы те впредь не садились ему на шею.

Сказав это, он силой зажал героине рот и уволок её домой, а остальные подонки с улюлюканьем разбежались.

Грязный, как чучело, Шэнь Цинжань остался в полном одиночестве посреди пруда. Потрясенный бесстыдством Пань Юньшаня, он безучастно смотрел вслед уходящим людям: никто из них даже не подумал протянуть ему руку. Он беззвучно открыл рот и снова закрыл.

Что сейчас сказал Пань Юньшань?

Лотос? Какой еще лотос?

Не та ли штука, которую он только что выкопал?

Шэнь Цинжань прикрыл ладонью глаза и сквозь щели между пальцами бросил взгляд на отброшенное им «полено». Сочленение за сочленением, сплошь покрытое тиной — так это и есть корень лотоса?

Он пошевелил ногой и внезапно почувствовал, что справа находится еще один корень.

Шэнь Цинжань обрадовался. Это ведь его собственный рыбный пруд, и всё, что в нем растет, принадлежит ему! Вмиг позабыв о своем бедственном положении, он согнулся и принялся шарить руками в мутной жиже.

В эти два дня у Сюэ Фэйфэна часто болела нога, и Шэнь Цинжань планировал сварить ему питательный костный бульон для подкрепления сил.

Например, суп из корня лотоса, арахиса и курицы.

Не хватало только курицы!

Шэнь Цинжань нахмурился, но тут же просветлел лицом: сегодня за тростник выручили деньги, можно сначала купить курицу у тетушки Чжан.

Труд заставляет на время позабыть о холоде. Шэнь Цинжань нащупал еще три худосочных корня лотоса и яростно чихнул три раза подряд.

Когда радость от находки поутихла, стужа медленно поползла по каждой косточке его тела — вкрадчивая, бесцеремонная, проникающая до самого мозга костей и лишаящая чувств. Шэнь Цинжань задрожал всем телом, зубы его застучали. Он тщетно обхватил себя руками, время от времени хлопая корнем лотоса по воде, чтобы поднять хоть какой-то шум.

Заметит ли Сюэ Фэйфэн, что он сбежал?

Когда же придет Сюэ Фэйфэн?

Лицо и голова Шэнь Цинжана были полностью измазаны грязью, вода медленно подступила к пояснице, погружая его в бесконечное ожидание.

Он и сам не замечал, что в минуту беспомощности уповал на Сюэ Фэйфэна, который дома ничего не знал, а вовсе не на главную героиню, ставшую свидетельницей случившегося.

...

Сюэ Фэйфэн уже в восьмой раз за два дня обнаружил, что Шэнь Цинжань ушел, не обмолвившись ни словом. До приезда семьи Пань тот вообще не любил выходить со двора.

Он молча сидел за обеденным столом, ожидая, когда Шэнь Цинжань соизволит вернуться. Перед ним остывал горячий рис и яичный суп, от которых тонкими струйками поднимался белый пар, размывая выражение лица сидящего у стола мужчины.

После обеда тетушка Чжан принесла туесок с клеем, который они в прошлый раз делали

вместе с Шэнь Цинжанем. Увидев, что дома один лишь Сюэ Фэйфэн, она замялась, явно борясь со своими мыслями.

— Тетушка Чжан, говорите как есть, — Сюэ Фэйфэн отодвинул остывшую еду и налил ей пиалу чая.

— Ну... тогда тетка скажет прямо, — стиснув зубы, решила тетушка Чжан. — Когда ты уезжал в этот раз, я слышала, как у вас дома кто-то разговаривал. По голосу — сущий книжник, не из наших деревенских. Я спросила у Цинжань, а та отнекивается, мол, никого не было. Ну не чудеса ли? Вот и думала дождаться твоего возвращения, Фэн-цзы, чтобы рассказать. Может, у Цинжань брат какой объявился... Да нет, тетка к тому клонит, что если ничего такого, то лучше бы нам пригласить парочку даосов, пусть дом осмотрят...

Тетушка Чжан боялась оклеветать Шэнь Цинжана, поэтому силой перевела всё в русло рассказней о призраках и нечисти.

Сюэ Фэйфэн холодно усмехнулся. Семья Шэнь планировала втайне переехать всем родом, откуда у Шэнь Цинжана возьмется брат?

Книжник? Поистине, среди книжников больше всего неверных сердец!

Тайные свидания, неразорванные узы, и при этом никакой ответственности — неужели Шэнь Цинжань ослепла!

Сюэ Фэйфэн подхватил костыли; вид у него был куда суровее, чем в момент обнажения меча.

Он стремительно вышел со двора, но, не дойдя до дома Пань, вдруг завидел в рыбном пруду слабо барахтающегося Шэнь Цинжана.

— Шэнь Цинжань!

Сюэ Фэйфэн замер, едва веря своим глазам, что этот грязный замарашка — действительно Шэнь Цинжань. Он со всех ног бросился к пруду, на последних шагах костыли даже не касались земли.

Веки Шэнь Цинжана так облепило грязью, что он почти не мог открыть глаза и не видел, как подбежал Сюэ Фэйфэн. Лишь когда два костыля легли перед ним, а Сюэ Фэйфэн опустился на них коленями, обхватив его подмышки и вытягивая наверх, Шэнь Цинжань не выдержал. Слезы брызнули из глаз, но вокруг глазниц уже скопилась подсохшая грязь, и слезы, смешиваясь с ней, потекли прямо в глаза.

Ему оставалось лишь крепко зажмуриться и обнять Сюэ Фэйфэна.

Костыли — это так хорошо.

И Сюэ Фэйфэн тоже очень хороший.

Почувствовав, как зажатое в его объятиях тело непрерывно дрожит, словно он держит глыбу льда, Сюэ Фэйфэн с щемящей болью в сердце принялся стирать грязь вокруг глаз Шэнь Цинжана, но та, подхваченная горячими слезами, никак не поддавалась.

Сюэ Фэйфэн впервые возненавидел то, что война сделала его пальцы грубыми и шероховатыми, лишив возможности уподобиться нежному шелку, чтобы бережно смахнуть грязь с лица Шэнь

Цинжания. В порыве отчаяния он склонил голову и припал губами к его лицу, слизывая слезы и грязь, со всей нежностью и глубокой страстью поглощая их без остатка.

Лишь когда эти глаза распахнулись, явив уязвленный и обиженный взгляд, Сюэ Фэйфэн крепче прижал Шэнь Цинжания к себе и, силясь сохранить ледяное спокойствие, спросил:

— Кто это сделал?

Голос его звучал обманчиво тихо — так звучит тишина в ночь перед казнью.

<http://bllate.org/book/17933/1732081>